

Пилецкий Сергей Григорьевич

ТЕМА МСТИ И ВОЗМЕЗДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Т. ГОББСА

Данная статья посвящена древнейшей и актуальнейшей во все времена проблеме - проблеме мести и возмездия. Она в концентрированном виде затрагивает, по сути, все глубинные аспекты человеческого существования и человеческого общежития. Автор берёт на себя задачу именно через призму темы мести и возмездия и их значения в человеческой жизни проанализировать творчество выдающегося мыслителя философии Нового времени - Томаса Гоббса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 144-149. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Воробьев Д. В., Бабушкин А. В. Студенты как волонтеры общественных организаций. М.: Комитет за гражданские права, 1999. 32 с.
2. Гуреев П. А. Льготы при оргнаборе и общественном призыве. М.: Юрид. литература, 1968. 136 с.
3. Донской В. Ф. Ротари и ротарианцы. Иркутск, 2006. 342 с.
4. Левичева В. Ф., Нелюбин А. А. Политические партии и общественные движения в СССР: информационно-аналитический справочник. М.: Ключ-С, 2002. 383 с.
5. Молодцыгин М. Создание местных органов военного управления // Военно-исторический журнал. М., 1968. № 5. С. 70-75.
6. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон № 135-ФЗ от 11 августа 1995 года // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 1995. № 33. Ст. 3340.
7. Сафронова Н., Цомакаева Ш. *Fact sheet* для журналистов [Электронный ресурс]. URL: www.rotary2220.ru/assets/.../Fact_sheet_dlq_wurnalistov_rus_09-09-10.doc (дата обращения: 08.05.2011).
8. Солдатов С. А. Общественные организации в Российской Федерации: политико-правовое и институциональное исследование. М., 1994. 191 с.
9. Червяков В. В., Березовский В. Н., Кротов Н. И. Россия, партии, ассоциации, союзы, клубы: справочник: в 2-х ч. М.: РАУ-Пресс, 1992. 339 с.
10. Энциклопедический словарь: в 86-ти т. / издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 13. 480 с.
11. <http://rotary2220.com/projects/mainproject>
12. <http://www.rotarymoscow.ru/moscow/projects>
13. Paul P. Harris. Rational Rotarianism // The National Rotarian. 1911. Vol. 1. № 1.
14. Standard Rotaract Club Constitution [Электронный ресурс]. URL: http://www.rotary.org/ridocuments/en_pdf/661en.pdf (дата обращения: 16.04.2011).

HISTORY, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PERSPECTIVES OF YOUTH VOLUNTEERING IN RUSSIA

Maksim Alekseevich Novikov
Department of Political History
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
NewManNaton@mail.ru

The article is devoted to the research of the social phenomenon of youth volunteering in Russia. The specified general problem comprises the whole range of the aspects elucidating the history of youth volunteering, the basic problems and development perspectives of such activity in Russia. The key problem is the peculiarities of volunteer organizations functioning in the USSR and the Russian Federation. Besides the author reflects the methods of the work of the international association "Rotary International" having "Rotary Clubs" all over the world.

Key words and phrases: social problems; youth organizations and movements; United Nations Organization; volunteer; volunteering; Rotary International; Rotaract Club.

УДК 111.7

Данная статья посвящена древнейшей и актуальнейшей во все времена проблеме – проблеме мести и возмездия. Она в концентрированном виде затрагивает, по сути, все глубинные аспекты человеческого существования и человеческого общежития. Автор берёт на себя задачу именно через призму темы мести и возмездия и их значения в человеческой жизни проанализировать творчество выдающегося мыслителя философии Нового времени – Томаса Гоббса.

Ключевые слова и фразы: теория «общественного договора»; абсолютная монархия; месть; возмездие; высшая справедливость; социальный гомеостазис.

Сергей Григорьевич Пилецкий, к. филос. н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
SergeyPiletsky@yandex.ru

ТЕМА МЕСТИ И ВОЗМЕЗДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Т. ГОББСА[©]

Последователем эмпиризма Бэкона в европейской философии и, так сказать, приверженцем линии «учёных-пчёл» в гносеологии был Томас Гоббс. В историю мировой философии он также вошёл как основоположник теории «общественного договора возникновения государства», которая, в свою очередь, в дальнейшем найдёт своих пламенных союзников, о некоторых из которых мы ещё поговорим. Однако в контексте

своей теории «общественного договора» Томас Гоббс совершенно явным образом позиционировал себя в качестве рьяного сторонника абсолютистской монархии, что не могло не вызвать уже существенные нарекания из стана его союзников. Это упоминание имеет смысл постольку, поскольку указанная теория в некотором роде повлияла в том числе и на видение Томасом Гоббсом мести и возмездия.

Однако начнём мы не с той работы, где в развёрнутом виде представлена концепция «общественного договора», а всё же с другой, но в которой также принципиальное значение имеет некий свод выделяемых «естественных законов». Это работа Томаса Гоббса «Основы философии». Так вот в ней он в части II «О человеке» в главе XII, рассуждая об аффектах, или волнениях души, пишет: «Аффекты коренятся в различных движениях крови и животных духов, причём последние то различным образом растекаются, то текут обратно к своему источнику. Причинами этих движений являются образы блага и зла.

Представление о наличном благе, значение которого не уменьшает какое-либо зло, могущее последовать за ним, следовательно, наслаждение чем-то благим самим по себе есть аффект, называемый нами *радостью* (*gaudium*). Представление об угнетающем нас зле без представления о компенсирующем его благе составляет аффект, называемый *ненавистью* (*odium*), и всякое зло, которое нас угнетает, называется *ненавистным*. Зло, которое мы не можем ни преодолеть, ни избежать, мы ненавидим.

Если при наличии или при появлении какого-нибудь зла внезапно появляется надежда, что это зло может быть преодолено посредством борьбы или сопротивления, то возникает страсть, которую мы называем *гневом*. Родственным гневу является аффект, который называют *страстью к мщению*, беспрестанное и продолжительное желание причинить кому-нибудь зло для того, чтобы наказать его за какую-нибудь предполагаемую несправедливость, а также устрашить других и удержать их от совершения подобной несправедливости.

Таков был гнев Ахиллеса против греков, вызванный несправедливостью, причинённой ему Агамемноном. Этот род гнева, однако, отличается от того, который был описан выше, тем, что он не возникает и не проходит внезапно подобно последнему, а продолжается столько, сколько, по мнению гневающегося, требуется для того, чтобы тот, против кого обращён его гнев, изменил своё намерение в желательном ему направлении. Поэтому смерть того, кто совершил несправедливость, не удовлетворяет чувства мести обиженного, ибо мёртвый не может ни в чём раскаяться» [1, с. 247-248].

В том, что чувство гнева и страсть к мщению являются сильнейшими естественными аффектами, с Томасом Гоббсом согласиться вполне можно, и, по-видимому, так оно и есть. Но вот с тем, что, во-первых, как он указывает, мстят за какую-нибудь предполагаемую несправедливость и, во-вторых, что смерть того, кто совершил несправедливость, будто бы не удовлетворяет чувства мести, поскольку де мёртвый не может раскаяться, согласиться лично я никак не могу. Первое: мечь – это не невроз и не истерика, мечь – это не блажь, она возникает не на пустом месте, не на основе какой-то предполагаемой несправедливости, а самой что ни есть настоящей, реальной, да притом ещё для человека чрезвычайно значимой, чрезвычайно болезненной. Мести по пустякам не бывает. Об этом свидетельствует вся история человечества, в том числе и английская. А посему и второе: раз мечь – дело не шуточное, и мстители по мелочам не размениваются, то и, как правило, всё с точностью до наоборот: смерть обидчика – это и есть то единственное, что как раз и может удовлетворить чувство мести оскорблённого. Своевременное раскаяние, конечно, может порой и спасти, а может и не помочь. Всё зависит от того, как видит сатисфакцию тот, чья честь была ущемлена. Вспомним кодексы дворянской чести и пламенную историю европейских дуэлей.

Однако продолжим. В тех же «Основах философии» книги III «О гражданине» в главе третьей, посвящённой представлению и анализу свода естественных законов, уделено своё место и мести. Она в гоббсовском реестре естественных законов идёт под номером шесть. Хотя, точнее, подготовка к ней идёт уже в пункте пятом, касающемся опять же раскаяния и прощения. Гоббс и тут настаивает на прощении, но всё же не может обойти вниманием и такой поворот событий, когда раскаяния нет и в помине. И вот такого рода поведение, по мнению мыслителя, противно закону природы. Читаем: «Пятое требование закона природы состоит в том, что каждый, не пренебрегая мерами предосторожности на будущее, должен прощать другому прошлую вину, если тот раскаивается и просит прощения. Прощение за прошлое, то есть забвение обиды, есть не что иное, как согласие на мир с тем, кто, спровоцировав войну, раскаивается в содеянном и просит о мире. Заключение же мира с тем, кто не раскаялся, то есть с тем, кто сохраняет враждебность либо не даёт гарантию на будущее, то есть ждёт не мира, а каких-то преимуществ для себя, есть не мир, а страх, а следовательно, не может быть требованием природы. Тот же, кто не желает простить раскаявшегося и обещающего в будущем не совершать подобного, тот вообще не хочет мира, а это противно естественному закону.

Шестое требование естественного закона предписывает в отмщении, то есть при наложении наказания, иметь в виду не прошлое зло, а будущее благо; иначе говоря, налагать наказание можно только с одной единственной целью: исправить самого виновного либо его наказанием сделать лучше других. Это, прежде всего, подтверждается тем, что каждый по закону природы обязан прощать другому, но только при условии, что сначала будут приняты меры предосторожности на будущее, как показано в предыдущем параграфе. Кроме того, поскольку мщение, если оно имеет в виду только лишь прошедшее, есть не что иное, как тщеславное торжество и удовлетворение самолюбия, и оно совершается бесцельно, ибо имеет в виду только прошлое, а цель же всегда в будущем, а всё, что не имеет никакой цели, бессмысленно; следовательно, мщение, не имеющее в виду будущего, проистекает от пустого тщеславия и потому противоречит *основному закону природы*. Итак, закон природы предписывает нам, воздавая отмщение, смотреть не назад, а вперёд. Нарушение же этого закона называется *жестокостью*» [Там же, с. 309-310].

Т. Гоббс продолжает гнуть свою линию, а я продолжаю стоять на своём. Я убеждён, что мести (если речь идёт действительно о мести, а не о мелочности), не смотрящей вперёд, вообще не бывает. Мстящий, кем бы он ни был, всегда смотрит вперёд хотя бы потому, что отчётливо осознаёт, что безнаказанность плодит преступления. Для него также совершенно очевидно, что возмездие должно быть соразмерно правонарушению. За неумышленное убийство во все века в подавляющем большинстве случаев смертью как не карали, так и не карают. А вот за умышленное убийство, за зверское убийство ограничивались раскаянием (пусть даже и искренним) виновного и этим довольствовались крайне редко. И это опять же исключительно в целях заботы о будущем – чтобы другим неповадно было. И кара смертью за злодейское убийство никогда не воспринималась как жестокость (уж во времена Гоббса по крайней мере), а вот жестокий как раз считалось, напротив, само злодейство.

Следующая за ней, четвёртая, глава может представлять для нас интерес постольку, поскольку она, по мысли Гоббса, призвана цитатами из Священного Писания подтверждать его тезис, что естественный закон есть не что иное, как закон божественный. А поскольку, как было отмечено, месть идёт в «каталоге» под порядковым номером шесть, то нам и следует заглянуть в соответствующий раздел пояснений. И вот что мы там находим: «В подтверждение шестого закона могут быть приведены все те места, которые приказывают проявлять милосердие. Например, Матф. 5, 7: “Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут”. Лев. 19, 18: “Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего как самого себя”. Есть, однако, люди, полагающие, что Священное Писание не только не подтверждает, но, наоборот, опровергает этот закон тем, что нечестивцев ожидает вечное наказание после смерти, где уже нет места ни исправлению, ни поучительному примеру. Некоторые разрешают это противоречие, утверждая, что Бог, не связанный никаким законом, всё творит во славу Себе, но человеку не дано поступать так же. Как будто Бог ищет славы в смерти грешника, то есть желает понравиться самому себе. Более правильным будет ответ, если мы скажем, что вечное наказание было установлено ещё до грехопадения и имело в виду только внушить людям страх перед грехом на будущее» [Там же, с. 322-323].

Что тут сказать: совершенно неубедительный, на мой взгляд, пассаж Томаса Гоббса. Прямо на удивление – какой неубедительный, учитывая силу интеллекта, таланта и эрудиции английского философа. Это даже как-то не очень-то на него похоже. Посудите сами. Взята цитата из Евангелия от Матфея из Нагорной Проповеди Христа. Но я на эту цитату могу привести как минимум тридцать одну из того же Нового Завета, где совершенно недвусмысленно, ясно и определённо говорится о возмездии. Именно о Божьем возмездии неоднократно вещают и Иоанн Креститель, и сам Иисус, и его верные апостолы. А уж не иначе как своеобразным «пиршеством» возмездия можно считать «Откровение Иоанна Богослова», более известное как Апокалипсис. А как воспринимать ветхозаветные тексты, которые прямо-таки «сочатся» многочисленными иллюстрациями Божьих императивов мести и возмездия? Разве они признаются не каноническими в христианстве? Если их вырвать из Священного Писания, то оно сократится более чем на три четверти.

Да и потом – эти слова из третьей книги Моисеевой «Левит» о любви к ближнему своему. Очень хорошо, что Гоббс её приводит, ибо как раньше очень многие полагали, так и сейчас очень многие полагают, что источник их возникновения – Новый Завет, а уста, впервые их произнесшие, – уста Иисуса. Конечно, императив этот ветхозаветный, переданный Богом Моисею, чтобы тот, в свою очередь, передал его избранному народу. Возлюбите ближнего своего как себя самого должен иудей в отношении иудея же, и то лишь только в том случае, если тот исполняет завет Божий. Как поступать с теми, кто не исполняет завет Божий, а тем более с иноплемениками, – это, как говорится, уже совсем иная история, с любовью не связанная никак. Чтобы убедиться в этом, достаточно даже беглого взгляда в тексты Библии.

А вот уже в V главе, которая носит название «Власть», Т. Гоббс касается вопросов человеческой мести, поднимаясь, так сказать, с индивидуально-личностного уровня на государственный. Решая вопрос о причинах возникновения государства, он не забывает о том, что, честно говоря, трудно забыть, – о возмездии, то бишь о карающем мече государства. Вот что мы узнаём: «...для достижения этой безопасности недостаточно, чтобы каждый из тех, кто намеревается слиться в государство, договорился бы с остальными устно или письменно *не убивать, не воровать* и соблюдать другие подобные законы, ибо для всех очевидна порочность человеческой природы, и по опыту слишком хорошо известно, сколь мало удерживает людей от нарушения их долга сознание данного обещания, если им не грозит за это наказание. Поэтому добиваться безопасности нужно не столько соглашениями, сколько наказанием, и эти меры окажутся достаточными тогда, когда будут установлены такие наказания за каждое нарушение права, что будет ясно, что его нарушение есть большее зло, чем соблюдение. Ведь все люди, следуя естественной необходимости, выбирают то, что для них очевидно является благом.

Считается, что человек лишь тогда получает право подвергать кого-либо наказанию, когда каждый гражданин даёт обязательство, что он не окажет помощи тому, кто должен быть наказан. Я буду называть это *мечом справедливости*. Такого рода обязательство в большинстве случаев люди соблюдают достаточно добросовестно, за исключением того, когда они сами или их близкие должны подвергнуться наказанию.

Итак, поскольку для безопасности каждого отдельного человека и для всеобщего мира необходимо, чтобы право использовать меч справедливости для наказания было передано какому-то *человеку* или *собранию*, то этот человек или это собрание неизбежно мыслятся по праву обладающими *верховой властью* в государстве. Ведь тот, кто по праву налагает наказание так, как считает нужным, тот по праву может заставить всех делать всё, что он пожелает, а большей власти невозможно и придумать» [Там же, с. 336].

Вот видите, как бывает, ещё совсем недавно Гоббс сокрушался по поводу того, что как бы это «не перегнуть палку» в отношении того, кто после совершения преступления попросит прощения и покается. Что это

негуманно, немилосердно, что это даже, мол, противно человеческой природе и естественному закону. Ведь это мы не успели ещё забыть, не так ли? Но как только речь зашла об общественной безопасности и государственной целесообразности, всё благодушие и этический романтизм куда-то испаряются. И Гоббс вдруг вспоминает о порочной природе человека, что из опыта человечества, мол, хорошо известно. Что, оказывается, людским обещаниям и заверениям (причём не только устным, но даже и письменным) доверяться, а тем паче на них полагаться не стоит, что только страх сурового наказания их может удержать от убийства, воровства и прочих правонарушений и т.д. Так этого, оказывается, ещё мало: необходимо со всех граждан взять клятвенное обязательство, чтобы они ни при каких обстоятельствах не оказывали помощи или поддержки подозреваемому в преступлении. И что это вполне хорошо, вполне гуманно и вполне укладывается в человеческое сострадание и милосердие. Здесь ирония не в том, что это не правильно (это-то как раз и правильно), а в том, что взгляд на проблему с государственных позиций, взгляд на проблему как государственного мужа – неплохой рецепт от отрезвления и близорукости.

Чтобы уж никакого сомнения у скептиков на этот счёт не возникало, всё вышесказанное Томас Гоббс подтверждает в главе XIII, в которой он разбирает обязанности тех, кто осуществляет верховную власть. Правда, сейчас уже в контексте реализации человеческой свободы, не ущемляющей свободы других граждан и не представляющей угрозы для государства в целом. Так мы сталкиваемся, между прочим, с хорошо уже нам знакомым словом «отмщение». «Существенным моментом этой свободы, не представляющей угрозы для государства и необходимой гражданам для счастливой жизни, является чувство страха перед каким-либо наказанием, которое, кроме того, можно заранее предвидеть или ожидать. А это происходит там, где либо вообще законом не определены никакие наказания, либо граждане не подвергаются наказаниям более суровым, чем это определено (законом). Там, где не определены никакие наказания, тот, кто первым нарушил закон, ожидает неопределённого, то есть произвольного, наказания, и предполагается, что страх его беспредель, ибо несчастья бесконечны. Но закон природы повелевает тем, кто не подвластен гражданским законам на основаниях, изложенных нами в 11-м параграфе главы III, и тем самым – верховным правителям, что они, воздавая отмщение и налагая кару, должны иметь в виду не прошлое зло, а будущее благо, и поэтому совершают ошибку те, кто измеряет налагаемые ими наказания иной меркой, помимо общественной пользы. Там же, где наказание определено либо законом, гласящим в ясных выражениях, что *если будет совершён такой-то поступок, то последует за это такое-то наказание*, либо обычаям, когда наказание, не предусмотренное законом, но вынесенное впервые произвольно, позднее определилось наказанием первого преступника (ибо естественная справедливость требует, чтобы за одинаковые проступки налагалось бы одинаковое наказание), там, повторяю, требовать наказания более сурового, чем это определено законом, значит вступать в противоречие с законом природы. Ведь цель наказания не в том, чтобы сломить волю человека, в том, чтобы наказать её и сделать такой, какой хочет её увидеть тот, кто установил наказание» [Там же, с. 410-411].

В отношении значения и роли мести в общественном гомеостазисе, на мой взгляд, уместно привести ещё умозаключение Гоббса. Оно взято из его работы, названной «Человеческая природа». Всё это, безусловно, не ново, мы уже вполне уяснили гоббсовскую логику, фундирующую мещ в основополагающие свойства человеческой природы. Не ново здесь и толкование им мотивов и ожиданий от мести. Почему-то Гоббс настаивает, что мстителя, видите ли, в первую голову и главным образом заботит ожидание неперемогенного раскаяния виновного (если уж и недобровольного, так принудительного). Об этом я уже высказывался. Нова здесь, по моему разумению, неверная трактовка умонастроения одного из известных исторических персонажей, вспоминаемых в этом месте Томасом Гоббсом. «Мстительность есть страсть, имеющая своим источником ожидание или представление возможности заставить того, кто причинил нам вред, найти собственное действие вредным для себя и признать это. Желание добиться такого признания представляет собой крайнюю степень мстительности, ибо если и нетрудно заставить нашего врага раскаться в своих действиях, отплатив ему злом за зло, то очень трудно заставить его сознаться в своём раскаянии, поскольку многие люди согласились бы скорее умереть, чем признать нечто подобное. Целью мщения является не смерть, а плен и порабощение врага, что нашло яркое выражение в восклицании Тиберия по поводу смерти одного из его врагов, покончившего с собой в тюрьме, чтобы избежать мести императора. Узнав об этом, Тиберий воскликнул: «Итак, он ускользнул от меня!» Человек, который ненавидит, имеет желание убить врага, чтобы избавиться от страха. Человек же, который мстит, стремится восторжествовать над врагом, что невозможно осуществить, если враг мёртв» [Там же, с. 544-545].

Без комментария не обойтись. Мечь и без того страшная «штука», так что не надо делать её дурней и хуже, чем она есть на самом деле. Не надо также фантазировать, измышлять и навешивать на неё то, что ей несвойственно. Где, интересно знать, Гоббс видел таких мстителей или хотя бы читал о них, которые основной целью своего возмездия мыслили бы заставить «кровного» обидчика признать свою вину. Если такое только представить, то это катастрофически умножило бы зло в мире. Человеку, знаете ли, свойственно не только злодейство, но и неплохая мимикрия. А чаще всего даже так: чем мерзче и подлее индивид, тем он более искусен в плане актёрского мастерства. Он бы быстренько усвоил и превосходно бы приспособил столь несложный для адаптации алгоритм: «поймали, всплакнул, раскаялся – гуляй дальше». «Разномастные» негодяи избегали бы возмездия «пачками» – не десятками и сотнями, а десятками и сотнями тысяч. Где и когда такое в истории человечества было, откуда это Гоббс взял?

Теперь по поводу восклицания Тиберия. Да, был такой римский император, который в 77-летнем возрасте был задушен своим 25-летним внуком Калигулой – будущим императором Рима. Время, знаете ли, было такое, что мало располагало даже самых высокопоставленных, сановных лиц к проявлению сострадания и

милосердия, тем паче в отношении своих заклятых врагов. Так что, очень сдаётся, что искренняя досада Тиберия была связана отнюдь не с тем, что не смог-таки дожидаться искреннего раскаяния от того своего бывшего недруга, а с тем, что тот уж слишком легко отделался. Непозволительно легко. Уж, наверное, Тиберий в мыслях уготовил ему последнее пребывание на сей грешной земле хоть и с тем же концом, но куда более медленное и мучительное. Вряд ли найдётся кто-то сомневающийся, что смогли бы подручные Тиберия провести эту экзекуцию на должном уровне при непосредственном присутствии венценосной заинтересованной стороны. Да как тут не постараться: не поусердствуешь, не порадеешь – через час сам окажешься на дыбе. Лично у меня иллюзий на сей счёт нет: заключённый покончил с собой не потому, что его сердце не смогло бы перенести требуемого от него раскаяния, а из-за трепетно и с любовью подготовленных для него мук.

Но у Томаса Гоббса о государстве, общественном договоре по его возникновению, общественной справедливости и державной целесообразности есть, наверное, самое известное его произведение, названное им «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». В нём он, собственно, подтверждает всё то, что им разработано в «Основах философии», и лишь представляет это в более детальной, подробной и дидактически системной форме. Конечно, есть там и о мести с возмездием, и тоже практически в аутентичном виде. Много повторяться не будем, но кое-что всё же, для порядка, укажем.

В частности, в части I «Левиафана», названной «О человеке», в главе IV «О внутренних началах произвольных движений, обычно называемых страстями, и о речах, при помощи которых они выражаются» в перечне страстей, обладающих мощной побудительной силой, есть гоббсовская характеристика мстительности. Вот как он её определяет (хотя это уже нам и знакомо): «Желание причинить вред другому человеку, дабы заставить последнего раскаяться в каком-нибудь его собственном деянии, называется *мстительностью*» [2, с. 42].

В главе VIII «О достоинствах, обычно называемых интеллектуальными, и о противостоящих им недостатках» Томас Гоббс анализирует такое качество человеческой природы, которое, безусловно, не может не быть напрямую связано с местью, – ярость. Кто сталкивался хоть раз в своей жизни с яростью человеческой, тот уже точно никогда её не забудет. Почему-то в связи с этим вспоминаются набатом бьющие слова призывного гимна: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна, идёт война народная, священная война». Гоббсу же, по-видимому, таковые мотивационные импульсы были незнакомы, что выразилось в том, что он идентифицирует её исключительно, так сказать, в перверсивном качестве – как определённого рода расстройство, сродни сумасшествию. Вот что мы узнаём: «Высокомерие делает человека склонным к гневу, крайностью чего является сумасшествие, называемое *яростью* или *неистовством*. И бывает, что чрезмерное желание мести, когда оно становится обычным, приводит в расстройство органы и переходит в неистовство. Чрезмерная любовь, соединённая с ревностью, переходит также в неистовство. Слишком высокое мнение человека о самом себе, о своём божественном вдохновении, о своей мудрости, учёности, красоте и т.п. становится сумасшествием и взбалмошностью, а когда сочетается с завистью, то становится бешенством. Преувеличенное мнение об истинности какой-нибудь вещи, оспариваемой другими, есть бешенство» [Там же, с. 56]. О том, что не следовало бы месть человеческую сваливать в одну «корзину» со спесью, ревностью, завистью и истеричностью (у них масштаб и задачи разные), распространяться, пожалуй, не будем. Мы это уже делали – зачем повторяться.

Пойдём лучше дальше. В главе XV, в которой Гоббс рассуждает об уже упомянутых нами всё тех же естественных законах, он тоже не изменяет себе (что уже неплохо) в интерпретации мести как вынужденной меры, имеющей право на существование при целесообразности будущего блага. То, что месть всегда исходит из примата справедливости как безусловного блага и имеет мощнейшую превентивную эффективность, – мы уже тоже отмечали. Читаем: «Седьмой закон – при отмщении люди руководствуются только будущим благом. Седьмой закон гласит, что при отмщении (т.е. при воздаянии злом за зло) люди должны сообразовываться не с размерами совершённого зла, а с размерами того блага, которое должно последовать за отмщением. Этим законом нам запрещается налагать наказание с какой-либо иной целью, нежели исправление преступника или предостережение других. Ибо тот закон вытекает из предшествующего, предписывающего прощение при наличии гарантий в отношении будущего. Кроме того, месть, от которой нельзя ожидать, что она послужит предостерегающим примером, и, следовательно, нельзя ожидать никакой пользы в будущем, есть бесцельный триумф или торжество по поводу ущерба, нанесённого другому (ибо цель есть всегда нечто будущее), бесцельное же торжество есть хвастливость и противоречит разуму, а нанесение ущерба, несообразного с разумом, ведёт к войне, следовательно, противоречит естественному закону и обычно именуется *жестокостью*» [Там же, с. 118].

Во II части «О государстве» в главе XXVII, имеющей название «О преступлениях, оправданиях и о смягчающих вину обстоятельствах», Томас Гоббс в том числе рассуждает и о страхе, могущем стать причиной преступления. Мало того, он моделирует пару любопытных ситуаций, в одной из которых его интенция умаления мести доводится им почти до карикатуры. Он начинает с того, что указывает: «Страх иногда бывает причиной преступлений, как, например, когда человеку кажется, что ему грозит опасность быть убитым или получить телесные повреждения. Из всех страстей менее всего располагает человека к нарушению закона страх. Более того, только страх, если не иметь в виду благородные натуры, заставляет людей соблюдать законы в тех случаях, когда их нарушение обещает человеку выгоду или удовольствие. И всё же во многих случаях преступление может быть совершено под влиянием страха.

В самом деле, не всякий страх оправдывает то действие, которое он порождает, а лишь страх телесного повреждения, который мы называем *физическим страхом*, и лишь в том случае, когда человек не видит другого средства освободиться от этого страха помимо действия. Человек, подвергшийся нападению, боится

быть убитым и, чтобы избежать смерти, не видит иного пути, как нанесение раны нападающему. И вот если в этом случае человек смертельно ранил нападающего, то это не преступление. Ведь никто не предполагал, что фактом установления государства он отрёкся от своего права защищать свою жизнь и тело в тех случаях, когда закон не может вовремя прийти ему на помощь. Но убить человека, потому что из его действия или угроз я могу заключить, что он убьёт меня при первой возможности, между тем как я имею достаточно времени и средств, чтобы воспользоваться защитой верховной власти, – преступление. Другой случай. Человек слышит по своему адресу несколько обидных слов или подвергается незначительной обиде, за что законодатели не установили никакого наказания, не считая достойным человека здравого ума обращать на них внимание, и боится, что, оставив без отмщения эту обиду, он навлечёт на себя презрение и, следовательно, будет подвергаться подобным обидам и со стороны других; и вот, чтобы избежать этого, он нарушает закон и, чтобы другим не повадно было, мстит. Это преступление» [Там же, с. 232].

Что тут сказать: что касается первого случая, то в этом Гоббс абсолютно прав – это никакое не преступление, это всего лишь необходимая оборона, которую, что немаловажно, даже и упрекнуть не в чем – в ней защита вполне соразмерна нападению. А вот что касается второго из указанных случаев, то там гораздо всё сложнее. Понятно, что в нём речь идёт о нанесении оскорбления такого рода персоне, для которой это дело чести. Причём со стороны себе равни. В противном случае даётся распоряжение слугам просто бить заносчивого обидчика из сословных низов палкой. В случае же ущемления чести со стороны обидчика равного социального статуса и во избежание всего того конфуза, о чём писал Гоббс, его публично вызывают на дуэль для дачи сатисфакции. Неужели это не ясно? А Гоббс нам рисует какого-то трусоватого обиженного, который сам побаивается дуэли и исподтишка мстит. Это не только преступление, это позор.

В самом заключении представления позиции Томаса Гоббса в отношении мести и возмездия хочу воспроизвести его мысли из соседней, XXVIII, главы по поводу того, что де ущерб бунтовщикам должен наноситься не по праву наказания, а по праву войны. Разница, замечу, весьма существенная: речь тут идёт о скорой расправе без суда и следствия. Тоже вот «закавыка»: официально признавать месть не решаемся, говорим, что это, мол, нехорошо, а самосуд вполне даже признаём и считаем весьма благопристойным. Хотя, с другой стороны, чего от них ждать, чего их жалеть: они же враги государства. Хуже бывают только еретики. Обратимся к тексту: «Наконец, зло, причинённое тому, кто объявлен врагом государства, не подходит под понятие наказания, так как такие враги государства или никогда не были подчинены закону и поэтому не могут нарушать его, или если они были раньше подчинены, а потом заявили, что не намерены больше подчиняться ему, то этим заявлением сделали для себя невозможным нарушать его. Вот почему всякое зло, причинённое таким врагам государства, должно быть рассматриваемо как враждебное действие. Однако тот, кто объявлен врагом государства, может по праву быть подвергнут любой расправе. Отсюда следует, что если подданный станет делом или словом умышленно и преднамеренно подкапываться под авторитет представителя государства, то он может быть по праву подвергнут любой расправе, которую представитель государства пожелает (какое бы наказание ни было предварительно установлено за измену). Ибо своим отказом подчиниться закону он отвергает и установленное законом наказание, а потому подвергается расправе как враг государства, т.е. согласно воле представителя. Ибо наказания, установленные в законе, предназначены для подданных, а не для врагов, каковыми являются те, кто, будучи подданными, на основании своих собственных действий, умышленным бунтом отрицают верховную власть» [Там же, с. 244]. Заметим лишь следующее: как бы ни относиться к легитимизации скорых и неправых (то есть без официальной санкции права) расправ с мятежниками, бунтовщиками, отступниками (короче – врагами государства), это никак не подтачивает, не рушит сам сакральный принцип кары и возмездия как наиважнейший регулятив общественного гомеостазиса, как реализацию принципа индивидуальной и социальной справедливости.

Таким образом, согласно воззрениям Томаса Гоббса, месть – пусть и порицаемый, но всё же один из сильнейших человеческих аффектов, входящих в фундамент сонма «естественных законов», а возмездие – «меч справедливости» на страже общего мира и общественного благоденствия.

Список литературы

1. Гоббс Томас. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
2. Там же. Т. 2.

REVENGE AND PUNISHMENT THEME IN THOMAS HOBBS'S CREATIVE WORKS

Sergei Grigor'evich Piletskii, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Yaroslavl' State Medical Academy
SergeyPiletsky@yandex.ru

The article is devoted to the most ancient and always topical problem – the problem of revenge and punishment. In concentrated form it tackles practically all the deep aspects of human existence and communal life. The author's task is to analyze the creativity of the outstanding thinker of New Time philosophy – Thomas Hobbes – just through the prism of revenge and punishment theme and their importance in human life.

Key words and phrases: “public agreement” theory; absolute monarchy; revenge; punishment; superior justice; social homeostasis.